

В.А. Ядов

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, директор Института социологии РАН.

Проблема социальной идентификации личности и групповой солидарности приобретает все большее значение в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях. Интерес к этой проблеме связан со становлением новой исследовательской парадигмы социальной философии — концепции постмодернизма. По определению З. Баумана, социологическая теория постмодернизма — это «осознание модернизмом самого себя» и переход к институционализованному плюрализму, многообразию, достаточной неопределенности и амбивалентности, а также сопротивлению какому бы то ни было универсализму, единообразию, «очевидности» [1]. В конечном счете речь идет о качественном сдвиге в восприятии человеком социального пространства.

Постановка проблемы

Стремление индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом возникает при разрушении традиционного уклада, где потребность самоопределения в системе социальных взаимосвязей не актуализирована. Групповой (социальный) статус индивида задан здесь жесткими критериями его принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями [2, 3]. Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие — частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений.

В «позднемодерном» обществе, считает Э. Гидденс, сложности социального самоопределения усугубляются разрывом пространственно-временных координат и места действия личности [4]. Если в традиционном и даже индустриальном обществе место действия, временная перспектива и пространство социальных взаимосвязей как бы стянуты в тугую узел, то в современной жизни человек вследствие активного взаимодействия разных культур с помощью массовой информации идентифицирует себя не только с общностями «здесь» и «теперь», но также «там»: и в прошлом, и в обозримом будущем. Личность, таким образом, включается в глобальную систему социального пространства.

Каким бы парадоксальным это ни казалось, ломка устоявшихся социальных идентификаций, переживаемая, по всей вероятности, каждым человеком в российском обществе, напоминает по своим механизмам процессы, аналогичные культурно-историческому переходу от застойного, «традиционного» общества к современному, т. е. динамичному. При некотором допущении можно пойти и дальше: происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа («мы — это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся») к групповым солидарностям «постмодернистского» типа, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было вектора, называемого социальным прогрессом.

Советское общество в его классической фазе тоталитаризма напоминало традиционное в главном своем качестве — *бессубъектности* индивида. Социальная идентичность отождествлялась преимущественно с государственно-гражданской. Это находило свое выражение в безусловном требовании принимать официальную идеологию и систему ценностей «советского человека» [5], безоговорочном признании и демонстрировании государственно одобряемых верований и суждений, оценок; в ритуализированных схемах всенародного энтузиазма; в совокупности символов признания индивидуального успеха со стороны государства и иных бюрократических структур; наконец, в идеологии осуждения «врагов народа» и инакомыслящих, т. е. тех, кто отвергал свою идентичность с тоталитарно-государственной системой, не говоря уже о людях, опасных для правящей элиты и только поэтому получавших клеймо чуждого элемента.

Сегодня Россия переживает становление новой социальной субъектности. Особенность этого драматического процесса, осознания личностью своего особого интереса состоит в неопределенности представлений об общности интересов. Поскольку гражданское общество еще не сформировано, а механизм защиты прав различных групп населения был прерогативой исключительно бюрократических структур, всякий действительно общий интерес воспринимается ныне с величайшим подозрением как еще одна версия происков плутократии, либо иной группы, преследующей своекорыстные цели.

Наблюдается конфронтационный плюрализм многообразных элит в сфере политики, экономики, культуры, религии, этнонациональных отношений, каждая из которых стремится расширить свой «символический капитал» и влияние на конструирование социального пространства [6]. Концепции солидарного будущего не только противоречивы и двусмысленны, но, можно сказать, «приватизируются» различными общественно-политическими группировками, партиями, движениями.

Социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные, непривычные воздействия. В их числе: изменчивость социальных взаимосвязей, функций основных социальных институтов, плюрализм культур и идеологий, противоборство корпоративных (групповых) интересов. Евгений Евтушенко писал: «Мы рождаемся снова, а снова рождаться еще тяжелей». Жить в таком обществе трудно, но зато появляется уникальная возможность работы в условиях «естественного эксперимента».

Теоретические подходы к изучению идентификаций

Можно было бы попытаться построить некую универсальную концепцию механизма социальной идентификации и формирования солидарностей. Однако такой путь вряд ли оправдан. Обилие теорий социальной идентификации объясняется, в частности, тем, что мы имеем дело с междисциплинарной проблемой. Водораздел между социологическим и психологическим ее рассмотрением, помимо всего прочего, определяется «углом зрения»: со стороны общества или со стороны индивида [7].

Социологический срез проблемы связан с изучением социально-культурных детерминант формирования групповых солидарностей. Начиная с Э. Дюркгейма, в центре внимания здесь — механизмы установления связи индивида с общностью под воздействием наиндивидуальных социально-культурных требований. К. Маркс, определяя личность как социальное качество человека, придавал решающее значение экономическим структурам и взаимосвязям, которые диктуют определенное восприятие социального пространства, причем господствующий класс присваивает себе право навязывать собственное истолкование. Гуманистические марксистские концепции социальной солидарности (А. Грамши, Г. Лукач) выделяют в этом процессе активное субъектное начало, придают решающую роль именно самоопределению личности в системе экономических социальных отношений. Этот принцип наиболее последовательно развивает П. Штомпка. Он отмечает, в частности, что «субъектное» начало в социальной философии Маркса совмещалось с системно-объектным, бессубъектным [8]. В советской интерпретации марксизма роль «самоопределяющегося» индивида низводится до положения «винтика» в государственном организме.

Принципиально иную парадигму предлагает феноменологическая

социология. А. Шютц [9] подчеркивает роль типизации индивидом реалий его обыденной жизни в понятиях здравого смысла, определяемых данной культурой. П. Бергер и Т. Лукман [10] акцентируют внимание на том, что мир человеческой личности является двойственным. С одной стороны, общество действительно структурировано системой деперсонифицированных взаимосвязей, с другой — индивиды сами конструируют его в процессе взаимодействия и придают реальный смысл собственным типизированным схемам. В «первичной» социализации доминируют социально заданные, не контролируемые индивидом факторы, а в процессе «вторичной» социализации личность творит собственный мир типизированных образов и действует в согласии с ними. Социальная идентификация в первой фазе направляется общественными институтами, во второй — дает широкий простор самоопределению личности.

Следует также упомянуть общесоциологический подход к проблеме П. Бурдьё [11]. Бурдьё также акцентирует внимание на активной позиции социального «агента», включенного в сети социальных взаимоотношений, в рамках которых он стремится расширить «поле» своего влияния, использует «символический капитал» достигнутого социального статуса и индивидуальных возможностей. Группы и общности, с которыми индивид солидаризируется, обладают аналогичным «символическим капиталом» (власть, престиж, возможность влияния на других), и, напротив, «чуждые» группы — те, кто несет потенциальную угрозу или ограничивает власть, обеспечиваемую данным «капиталом».

Несмотря на различия в социологических подходах к проблеме, можно считать установленным, что общество задает индивиду социально-культурные рамки солидаризации; потребность включения в социальные связи является коренным свойством человеческой личности, которая вынуждена пассивно или активно самоопределяться в системе многообразных групп и общностей; степень активности субъекта зависит и от социально-культурных норм общества (представлений о свободе, терпимости к индивидуальным позициям и взглядам), и от индивидуальных особенностей.

В психологическом отношении исключительно важен вопрос о взаимодействии процессов идентификации с базисными потребностями личности. Речь идет о самосохранении, самоутверждении, самовыражении, потребности в защите со стороны окружающих. Наконец, существует коренная потребность включения личности в социум, а также дистанцирования от него. Человеку необходимо ощущать себя частью общества, референтной группы или авторитетной общности [12].

Проблема самоидентичности личности наиболее отчетливо была сформулирована З. Фрейдом в концепции «Эго»¹¹. Идентификация с группой или общностью в психоаналитической традиции соотносится с потребностью в любви, защите со стороны сильного авторитета. Группа исполняет функцию «отца» и одновременно авторитаризирует социально-нормативную систему «суперэго». «Ид» не может рационально реагировать на внешний мир, тем более — на происходящие в нем радикальные изменения. Отсюда — нарастание агрессивности или уход в себя. Д. Рисмен [14] развивал эту идею в концепции «одинокой толпы»; Г. Маркузе [15] подчеркивал, что лишенный авторитетного нормативного «суперэго» и включенный во множество организаций индивид поглощается ими, теряет себя. Р. Лифтон [16] доводит противопоставление личности и социальной идентификации до логического конца: на месте того, что было личностью, по его мнению, образовался «протеиновый человек». Если применить психоаналитический подход к динамичному современному обществу, то личность придется рассматривать либо как невротика, либо как амбивидное образование, приспособляющееся к среде, не имеющее станового хребта и не идентифицирующее себя достаточно определенно ни с одной из организаций или групп.

Другой аспект психологического видения нашей проблемы - механизмы социальной идентификации¹². Как и какими средствами индивид осуществляет потребность в идентификации? Вряд ли можно сомневаться в том, что таким механизмом является общение, межличностное и

¹ Здесь использована интерпретация психоаналитического подхода, предложенная Л. Шнейдерманом [13].

² Анализ психологических подходов к проблеме содержится в работе М. Хогт и Д. Абрамса [17].

межгрупповое взаимодействие. Человек включен во множество опосредованных взаимосвязей. Его идентификации с общностями шире, чем круг ближайшего общения. Поэтому интеракционистская теория Г. Мида недостаточно полно объясняет механизмы идентификации. Более широкие возможности заложены в когнитивной психологии.

Эксперименты с группами, описанные Г. Тэшфелем [18], показывают существенное влияние концептуализации, осмысления и упрощения социальных взаимосвязей в понятных индивиду категориях. Психологический подход смыкается здесь с социолого-феноменологическим. Когда прежние стереотипы и представление о «родных» общностях рушатся, то как формируются новые? В основном под воздействием средств массовой информации. Межличностное общение становится в данном случае не более чем медиатором образов солидарностей. Эти образы формируются и передаются средствами массовой коммуникации.

Когнитивистская парадигма в современной психологии (особенно в той версии, которая получила название «атрибутивной») акцентирует внимание на потребности человека в объяснении собственного поведения. «Почему я испытываю влечение быть частью этой, а не иной общности, и что из этого может следовать?», — каждый разумный человек задается таким вопросом. Ответ подсказывается не только собственным опытом, но и категоризациями социальных взаимосвязей. Например, бывший советский коммунист восклицает «Христос воскрес!» сначала смущенно, а потом объясняет себе, что это действие правильное, поскольку означает его солидарность с великим народом, и славословит Христа уже вполне уверенно. Такая атрибуция (присваивание смысла минувшему поступку) может закрепиться как устойчивый компонент социальной идентификации. Теория А. А. Леонтьева [19] позволяет истолковывать смыслы, которые индивид придает значимым для него объектам, в терминах деятельности. Широта и разнообразие деятельности определяют смысловую «наполненность», богатство значений той или иной идентичности для данного человека, побуждает переосмысливать прошлый опыт.

В бихевиористской парадигме групповая идентичность рассматривается в поведенческом контексте. М. Шериф [20] экспериментировал с группами бойскаутов и нашел, что их идентификации прямо связаны с поставленной структурой задачей (распределиться на две команды). Так и во взрослой своей жизни мы нередко вынуждены присоединяться к той или иной «команде», чтобы сохранить самоуважение в межгрупповом взаимодействии, не говоря уже о конфликте.

Исключительно важен вопрос о разграничении механизмов самоидентификации и идентификации собственно социальной или групповой. Обычно этот вопрос соотносится с процессом социализации, ролевого «научения» или интернализации ролевых функций. Другая сторона той же проблемы — структурирование, упорядочение социальных идентификаций [21]. Ролевые механизмы предполагают давление со стороны социального окружения, восприятие роли другими. Социальная идентификация, конечно, включает этот механизм, но в той его фазе, когда социальная роль уже освоена как часть собственного «Я».

Структурирование социальных идентичностей в некоторую иерархию — особая проблема. С точки зрения «имплицитной теории личности» Г. Келли [22] — это самоконструкции «Я» в социальном пространстве: одни группы или общности доминируют, являются «кросситуативными», другие — периферийными. Конструкции групповых солидарностей обладают большей или меньшей степенью жесткости. Главные вопросы социальной идентификации: как именно социальная идентичность детерминирует поведение людей? Какие следствия вытекают из той или иной конфигурации социально-групповых солидарностей? Какие солидарные групповые действия следует ожидать?

Диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности [23] подсказывает следующие гипотезы: идентификация с ближайшим окружением активизирует ситуативные установки и определяет поведение человека в условиях взаимодействия между «контактными группами»; идентификация на уровне обобщенных социальных установок активизирует кросситуативные факторы, а также установки, относящиеся к типичным социальным ситуациям и типизированным позитивно-негативным объектам — именно здесь можно наблюдать феномен корпоративно-солидарного поведения (например, участие в забастовке);

идентификация с общностями на уровне высших диспозиций личности, т. е. системы ценностей, идеалов, смысла жизни, предполагает определенную стратегию поведения. Речь идет о включении в массовые социальные движения, когда происходит размежевание по коренным проблемам социального класса, народа, нации, страны.

Социальное поведение личности объясняется, таким образом, уровнем активированных диспозиций, иными словами — переживанием, осмыслением своей принадлежности к данной общности в ситуации, предполагающей выбор социального действия.

Анализ социально-психологических подходов к проблеме позволяет сделать следующие выводы. Социальная идентификация обусловлена глубинной потребностью личности в признании со стороны других, в групповой защите, но также в самореализации, ожиданием позитивной оценки со стороны «своих» — референтных групп и общностей. Идентификация с группами, общностями — результат не только межличностного, межгруппового взаимодействия, но также категоризации, осмысления непосредственных или опосредованных взаимоотношений между группами и общностями в доступных человеку понятиях. Идентифицируя себя с определенными группами и общностями, человек испытывает потребность «атрибутировать» себя, т. е. объяснить причины и следствия своей групповой солидарности, ответить на вопросы «почему это моя группа?» и «что из этого вытекает?»

Состояние групповой (социальной) идентичности в разной степени осознаваемо. Оно может быть и неосозанным, когда когнитивные и эмотивные структуры диспозиций противоречат друг другу, и далеко не всегда реализуется в солидарном групповом действии. Последнее зависит от интенсивности, глубины личностной идентификации, ее места в иерархии «идеальных» идентификаций (достаточно устойчивых и осознанных) и соотнесения с периферийными общностями, от конкретной ситуации принятия решения (Например, в случае множественных идентичностей равной интенсивности волевое решение как бы парализуется), от группового давления и т. д.

«Это — мы»: социальные идентификации населения России

Методика. В рамках исследовательского проекта «Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности»³ использовался метод повторного опроса по общероссийской выборке населения. Объем выборки — 2000 человек, средняя ошибка — 3%. С марта 1992 г. по июнь 1993 г. проведены четыре опроса. В ходе интервью респондентов спрашивали: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, духовную близость, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: «Это — мы?»» Варианты ответов: «часто»; «иногда»; «практически никогда»; «трудно сказать».

Объекты идентификации были предварительно распределены по следующим категориям: (а) идентификация с сообществами различного масштаба — от первичных до самых крупных: семьей и близкими друзьями, жителями данного города (поселка), людьми той же национальности, всеми людьми на планете; (б) возрастная идентификация; (в) идентификация по профессиональному, производственно-организационному и материально-имущественному критериям: с людьми той же профессии, товарищами по работе (учебе), с теми, кто имеет такой же достаток; (г) гражданская идентичность: ощущение близости с россиянами, гражданами СНГ, общностью «советский народ»; (д) политико-идеологические ценностные идентификации: с разделяющими убеждения человека и его взгляды на жизнь; с близкими по политическим позициям; с теми, кто не интересуется политикой; (е) идентификации, формируемые на основе поведенческих стратегий: с теми, кто не любит «высовываться», предпочитает жить «как большинство других»; с теми, кто уверен, что от его действий мало что зависит; с теми, кто не ждет манны небесной, сам делает свою судьбу и жизнь; с теми, кто не утратил веру в будущее.

³ Проект финансируется Российским фондом фундаментальных исследований. В исследовании участвовали Е. Н. Данилова и С. Е. Кухтерин.

Принятая классификация групп идентичности достаточно условна и может быть построена на иных основаниях. При анализе результатов мы будем оперировать понятиями «позитивная идентичность» и «негативная идентичность». Если на вопрос об отождествлении себя с той или иной группой респондент выбирал ответы «часто» или «иногда» — его идентичность квалифицировалась как позитивная. Ответы «практически никогда не чувствую общности», «трудно сказать» интерпретировались как негативная идентичность.

Изменения идентификаций с марта 1992 г. по май 1993 г. Ранжирование позитивных идентичностей по степени их «силы» (табл. 1) показывает, что порядок предпочтений практически не изменился: две трети опрошенных нами респондентов идентифицируют себя с группами ближайшего повседневного окружения (семья, близкие, сверстники, товарищи по работе), образуют непосредственное поле социальной идентификации личности. Крупные общности («советский народ», «граждане СНГ» и т. п.) — размещаются в конце перечня. Такого рода группы порождают в значительной мере символические идентификации, формирующиеся под воздействием телевидения и печати. Тем не менее, и они являются значимыми элементами социального пространства.

Второй блок параметров идентичности связан с факторами социальной дифференциации: профессией, местом жительства, уровнем материального достатка. Идентификации по этому критерию имеют высокую интенсивность (до 70% — табл. 2) и конкурируют с идентификациями по национальной принадлежности и мировоззрению («те же взгляды на жизнь»).

Третий блок образуют идентификации по поведенческим стратегиям и политико-идеологическим взглядам (до 50%). Как и в случае с менее популярными «символическими», идентификации этого типа есть, скорее всего, продукт категоризации социального пространства и атрибутивных объяснений собственного поведения в терминах этого пространства.

Таблица 1. Динамика позитивной идентичности, % опрошенных

Объекты идентификации	Март 1992 г.	Май 1993 г.	Ранг
	%	%	
Семья, близкие, друзья	90	85,9	1
Товарищи по работе, учебе	82,4	77,2	2-3
Люди того же поколения, возраста	83,6	77,1	2-3
Люди той же национальности	77,7	73,6	4-5
Люди той же профессии, рода занятий	79,9	71,6	4-5
Разделяющие те же убеждения и взгляды на жизнь	76,6	71,6	6-7
Живущие в том же городе, поселке	74,7	70	6-7
Россияне	72,7	64,9	8
Люди того же достатка	68,4	64,9	9
Те, кто не утратил веру в будущее	68,2	61,9	10-11
Те, кто не ждет манны небесной	67,3	60,5	10-11
Те, кто не любит «высовываться»	51,8	54,3	12-13
Те, кто уверен, что главное — везение	46,5	54,2	12-13
Близкие по политическим взглядам, позициям	57,1	52,6	14-15
Те, кто не интересуется политикой	49	50,7	14-15
Советский народ	47,8	43,8	16
Граждане СНГ	51,1	38,1	17
Все люди на планете	35,5	31,9	18

Результаты исследования обнаруживают также упорядоченную иерархию негативных идентификаций — областей отчуждения в межгрупповых связях (табл. 2).

Таблица 2. Динамика негативной идентичности, % опрошенных

Объекты идентификации	1992 г март	1993 г май	Изменения с марта 1992 г. по май 1993 г.	1993 г. июнь	Изменения с мая по июнь 1993 г.	Ранг
Все люди на планете	59,7	68,1	+8,4	70,8	+2,7	1
Граждане СНГ	43,7	61,9	+18,2	64,3	+2,4	2
Советский народ	47,3	56,2	+8,6	60,7	+4,5	3
Те, кто уверен, что главное — везение	48,3	45,8	-2,5	51,5	+5,7	4-6
Те, кто не интересуется политикой	45,7	49,3	+3,6	50,8	+1,5	4-6
Близкие по политическим взглядам, позициям	38,0	47,4	+9,4	48,0	+0,6	4-6
Те, кто не любит «высовываться»	43,3	45,7	+2,4	47,7	+2,0	7
Те, кто не ждет манны небесной	28,2	39,5	+11,3	40,3	+0,8	8
Те, кто не утратил веру в будущее	26,8	38,1	+11,3	37,0	-1,1	9
Люди такого же достатка	26,8	35,3	+8,7	33,9	-1,4	10-11
Россияне	22,2	34,0	+11,8	32,9	-1,1	10-11
Люди той же национальности	17,8	26,4	+8,6	28,4	+0,2	12
Живущие в том же городе, поселке	20,5	28,0	+7,5	24,3	-3,7	13-15
Люди той же профессии, рода занятий	15,0	28,4	+13,4	23,7	-4,7	13-15
Разделяющие те же убеждения и взгляды на жизнь	18,7	28,4	+13,7	23,4	-5,0	13-15
Товарищи по работе, учебе	12,6	22,8	+10,2	18,3	-4,1	12-13
Люди того же возраста, поколения	12,0	22,9	+10,9	18,7	-4,2	12-13
Семья, близкие, друзья	5,3	14,1	+8,8	8,0	-6,0	14

С марта 1992 г по май 1993 г. в России остро ощущались экономическое неблагополучие (инфляция, рост цен, снижение доходов большинства населения) и политическая нестабильность. Стало заметным ослабление профессионально-производственных и поколенческих идентификаций. Ослабевает солидарность с россиянами и теми, кто верит в будущее. Снижается идентифицирующее значение таких признаков, как имущественное положение и политические взгляды. Особенно резко ослабла гражданская солидарность (на 18 процентных пунктов). Таким образом, процесс социальной дезинтеграции нарастает.

Однако в 1993 г. наблюдается своеобразная адаптация к кризисным социальным условиям. Статистически значимо увеличивается доля «интерналистов», отвергающих принцип везения и склонных опираться на собственные силы (6 процентных пунктов), уменьшается доля солидарных с «советским народом» (4-5 пунктов). В то же время возрастает доля солидаризирующихся по принципу производственно-профессиональной принадлежности и по взглядам на жизнь. Опора на собственные силы совмещается, таким образом, с представлениями об общности жизненной позиции и производственно-профессиональной принадлежности.

Механизмы формирования социальных идентичностей⁴

Факторный анализ данных, полученных в трех замерах, позволяет судить и о некоторых социально-психологических механизмах формирования солидарностей. Общий фактор до вращения с высокой информативностью (около 50%) указывает на высокую значимость потребности в социальной идентичности (табл. 3). Все объекты идентификации имеют здесь практически равные нагрузки, которые варьируют от 0,60 до 0,75. Этому фактору можно дать наименование «идентификационного синдрома».

⁴ Данный раздел написан совместно с Е. Н. Даниловой

Таблица 3. Фактор 1: извлечение из факторных матриц до вращения, метод главных компонент

Признаки идентификации	Факторные нагрузки		
	1992 г. май	1992 г. декабрь	1993 г. март
С людьми той же национальности	0,64	0,71	0,69
С гражданами СНГ	0,65	0,68	0,68
С товарищами по работе, учебе	0,69	0,69	0,69
С теми, кто близок по политическим взглядам, позициям	0,63	0,65	0,66
С теми, кто не ждет манны небесной	0,68	0,73	0,68
С людьми того же возраста	0,68	0,68	0,72
Со всеми людьми на планете	0,58	0,63	0,68
С «советским народом»	0,63	0,65	0,59
С людьми той же профессии, рода занятий	0,73	0,73	0,72
С теми, кто разделяет те же убеждения и взгляды на жизнь	0,71	0,75	
С теми, кто не интересуется политикой	0,70	0,75	0",72
С теми, кто не утратил веру в будущее	0,70	0,74	0,75
С теми, кто живет в том же городе, поселке	0,71	0,73	0,66
Со своей семьей, близкими, друзьями	0,59	0,64	0,60
С россиянами	0,70	0,71	0,75
С людьми, которые имеют такой же достаток	0,74	0,78	0,77
С теми, кто не любит «высовываться»	0,73	0,76	0,77
С теми, кто уверен, что главное — везение	0,68	0,75	0,71
Процент объясняемой дисперсии	46,1	50,6	49,1

При анализе второго биполярного фактора, вклад которого в суммарную общность составляет около 7%, видно, что определяющие его содержание противоположные характеристики тяготеют к двум полюсам: повседневного контактного общения — и воображаемых, «абстрактных» солидарностей (табл. 4). Наибольшие нагрузки на уровне повседневного межличностного и межгруппового взаимодействия имеют: семья и друзья (нагрузка достигает 0,47), товарищи по работе, люди одного поколения и близкой профессии (от 0,36 до 0,24). Наибольшие нагрузки, определяющие противостоящий полюс, — это общности, солидарность с которыми осмысливается опосредованно, через процессы типизирования социальных взаимосвязей и категоризации более отдаленного от индивида пространства взаимоотношений между большими социальными группами: все человечество, «советский народ», граждане СНГ (факторные нагрузки от 0,41 до 0,34). Второй фактор, интерпретированный нами как фактор «конкретности-абстрактности» идентификаций, в общем случае выделяет противоположные тенденции к прагматизму социальных солидарностей либо к идеологизированию.

Таблица 4. Фактор 2: извлечение из факторных матриц до вращения, метод главных компонент

Признаки идентификации	Факторные нагрузки		
	1992 г. май	1992 г. декабрь	1993 г. март
С людьми той же национальности	-0,34	-0,13	-0,18
С гражданами СНГ	-0,33	-0,33	-0,35
С товарищами по работе, учебе	-0,38	-0,37	-0,36
С теми, кто близок по политическим взглядам, позициям	-0,32	-0,37	-0,24
С теми, кто не ждет манны небесной	-0,39	-0,47	-0,47
С людьми того же возраста	-0,19	-0,08	-0,17
Со всеми людьми на планете	-0,07	-0,20	-0,17
С «советским народом»	-0,02	+0,05	+0,09
С людьми той же профессии, рода занятий	+0,03	+0,36	+0,34
С теми, кто разделяет те же убеждения и взгляды на жизнь	+0,06	+0,08	+0,06
С теми, кто не интересуется политикой	+0,07	+0,05	-0,07
С теми, кто не утратил веру в будущее	+0,36	+0,17	+0,06

С теми, кто живет в том же городе, поселке	+0,36	+0,14	+0,10
Со своей семьей, близкими, друзьями	+0,33	+0,49	+0,47
С россиянами	+0,29	+0,10	+0,15
С людьми, которые имеют такой же достаток	+0,21	+0,47	+0,43
С теми, кто не любит «высовываться»	+0,17	-0,02	-0,05
С теми, кто уверен, что главное — везение	+0,14	+0,09	+0,04
Процент объясняемой дисперсии	6,8	7,1	6,6

Матрицы факторных нагрузок после вращения (данные на мая — декабрь 1992 г.)

Признаки идентификации	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3		Фактор 4	
	май	декабрь	май	декабрь	май	декабрь	май	декабрь
С людьми той же национальности	0,61	0,51	0,01	0,27	0,40	0,27	0,25	0,37
С гражданами СНГ	0,28	0,19	0,07	0,19	0,73	0,68	0,26	0,41
С товарищами по работе, учебе	0,66	0,66	0,12	0,15	0,17	0,11	0,35	0,43
С теми, кто близок по политическим взглядам, позициям	0,20	0,23	0,11	0,16	0,28	0,31	0,72	0,71
С теми, кто не ждет «манны небесной»	0,21	0,27	0,38	0,37	0,12	0,22	0,68	0,64
С людьми того же возраста	0,61	0,72	0,14	0,19	0,17	0,22	0,37	0,19
Со всеми людьми на планете	0,02	0,13	0,29	0,24	0,65	0,79	0,22	0,19
С «советским народом»	0,19	0,17	0,32	0,26	0,66	0,79	0,07	0,15
С людьми той же профессии, рода занятий	0,68	0,70	0,27	0,27	0,14	0,12	0,28	0,34
С теми, кто разделяет те же убеждения и взгляды на жизнь	0,41	0,46	0,40	0,42	0,07	0,09	0,49	0,51
С теми, кто не интересуется политикой	0,15	0,23	0,59	0,63	0,25	0,23	0,37	0,39
С теми, кто не утратил веру в будущее	0,24	0,19	0,43	0,58	0,31	0,20	0,43	0,49
С теми, кто живет в том же городе, поселке	0,65	0,52	0,38	0,51	0,25	0,29	0,03	0,08
С семьей, близкими, друзьями	0,73	0,81	0,24	0,21	0,02	0,10	0,03	0,07
С россиянами	0,43	0,47	0,42	0,39	0,48	0,49	0,01	0,05
С людьми того же достатка	0,36	0,39	0,65	0,69	0,21	0,26	0,19	0,13
С теми, кто не любит «высовываться»	0,21	0,23	0,79	0,79	0,24	0,23	0,14	1,19
С теми, кто уверен, что главное — везение	0,17	0,19	0,76	0,75	0,16	0,26	0,19	0,24
Процент объясняемой дисперсии	19,1	20,1	17,7	19,8	12,8	14,3	11,9	13,3

Полезно обратить внимание на некоторые изменения в структуре этого фактора, в общем сохраняющего свой смысл (конкретность — абстрактность). Солидарность по национальной принадлежности, в мае имевшая сравнительно высокую нагрузку по данному фактору, к марту 1993 г. перестала быть значимым смысловым параметром: нагрузка уменьшалась от -0,34 до -0,18. Поведенческие стратегии, тяготеющие к полюсу абстрактных идентификаций с большими общностями (локус-контроля, конформность) также утратили дифференцирующую силу.

В *первом факторе* после вращения (табл. 5) сохраняются высокие нагрузки для ответов, выявляющих идентификации с группами ближайшего окружения: семьей, друзьями, сверстниками, жителями того же города или поселка, а также людьми одной национальности, теми, кто разделяет убеждения и взгляды (до 0,6 — 0,7). К декабрю 1992 г. дифференцирующие свойства идентификаций с семьей и сверстниками несколько повысились, а факторная нагрузка национальной солидарности чуть уменьшилась. Заметим, что национальная солидарность имеет значительную нагрузку по третьему фактору, наряду с другими «символическими» общностями (человечество, граждане СНГ и «советский народ»). Таким образом, мы получаем некоторое объяснение сдвига национальной идентичности в сторону смыкания с идеологизированными конструкциями, ослабления связи с «прагматикой» повседневного общения.

Второй фактор — «конформно-адаптивной» идентификации — образован такими признаками, как следование принципу «жить как все», политической неангажированностью, надеждой на судьбу, солидарностью с людьми такого же материального достатка и несомненной российской идентификацией, вошедшими в описываемый фактор с большими нагрузками (0,6 — 0,7).

При интерпретации *третьего фактора* ведущую роль играют символические общности, идентификации с которыми получили наибольшие нагрузки: человечество, «советский народ», граждане СНГ (все нагрузки — около 0,7), а также россияне (около 0,5).

Четвертый фактор может быть интерпретирован как фактор активной жизненной позиции, определяемый стремлением делать свою судьбу самостоятельно и политической вовлеченностью (нагрузки — около 0,7). Примыкающие к этому синдрому идентификации с близкими по верованиям и взглядам на жизнь, также входящие в этот фактор со значимыми нагрузками (0,5), укрепляют такую интерпретацию.

В мартовском опросе 1993 г. к числу признаков идентификации был добавлен еще один, выявляющий идентификацию с теми, кто достиг материального успеха, независимости. Расширение матрицы привело к изменению факторной структуры, хотя общая интерпретация факторов остается прежней (табл. 6). Солидарность с достигшими материального успеха и потому — независимости, вошла в первый фактор и оказалась сопряженной с идентификацией по имущественному положению (0,65 и 0,69 соответственно), а также — с политической неангажированностью, конформистской ориентацией и опорой на «везение» (0,65; 0,77 и 0,73 соответственно). Содержание первого фактора, таким образом, совпадает с представлениями о системе идентификаций, характерных для предпринимательской направленности: отстраненность от политики, ощущение близости с теми, кто «не любит высовываться», но... в среде равных по заметному достатку и уповающих на везение.

Таблица 6

Матрица факторных нагрузок после вращения (март 1993 г.)

Признаки идентификации	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
С людьми той же национальности	0,29	0,54	0,37	0,18
С товарищами по работе, учебе	0,22	0,67	0,43	0,04
С теми, кто близок по политическим взглядам, позициям	0,23	0,65	0,08	0,37
С теми, кто не ждет «манны небесной»	0,42	0,62	0,03	0,23
С гражданами СНГ	0,27	0,43	0,08	0,63

С людьми того же возраста	0,27	0,49	0,59	0,12
Со всеми людьми на планете	0,19	0,18	0,14	0,79
С «советским народом»	0,25	0,07	0,22	0,76
С людьми той же профессии, рода занятий	0,33	0,59	0,43	0,15
С теми, кто разделяет те же убеждения, взгляды на жизнь	0,39	0,54	0,34	0,15
С теми, кто не интересуется политикой	0,65	0,31	0,13	0,26
С теми, кто достиг материального успеха, независимости	0,65	0,37	0,04	0,33
С теми, кто не утратил веру в будущее	0,63	0,33	0,27	0,18
С теми, кто живет в том же городе, поселке	0,27	0,08	0,72	0,34
Со своей семьей, близкими, друзьями	0,17	0,25	0,78	0,07
С россиянами	0,46	0,22	0,44	0,41
С людьми того же достатка	0,69	0,28	0,31	0,17
С теми, кто не любит «высовываться»	0,77	0,21	0,25	0,22
С теми, кто уверен, что главное — везение	0,73	0,17	0,25	0,17
Процент объясняемой дисперсии	21,0	17,2	14,1	12,9

Второй фактор расширенной матрицы «отсекает» предпринимательскую направленность преуспевающих, выделяет профессионально-производственную солидарность (0,6 — 0,7) и близость по политическим взглядам (0,65); третий отчетливо фиксирует идентификации с ближайшим окружением — семьей, друзьями, жителями того же города или поселка (0,78 — 0,73), а четвертый включает в себя идеологизированные идентификации: с людьми на планете, гражданами СНГ и «советским народом» (0,79; 0,63; 0,76 соответственно). Каковы ведущие механизмы формирования социальных идентичностей? Прежде всего доминирует потребность в социальной идентификации как общая тенденция (первый фактор в табл. 5); поляризуются тенденция к идентификации с ближайшим окружением, группами и общностями повседневного общения, с одной стороны, и стремление солидаризироваться с «большими» социальными общностями, с другой — склонные к прагматизму не склонны к романтике.

Складываются две модели адаптации в кризисных условиях. Первый присущ идентификации с ближайшим окружением, профессионально-производственными общностями, с людьми, разделяющими те же верования и взгляды на жизнь при умеренной (или отсутствующей) политико-идеологической ангажированности. Вторая модель адаптации — активная. Она характерна для тех, кто включен в политико-идеологическую или предпринимательскую деятельность. Последняя отличается политической индифферентностью, упованием на везение, конформностью с ориентацией на достигших материального благополучия. Что касается идентификации по национальной принадлежности, то ее смысловая нагруженность смещается от контекста повседневности к «абстрактным» солидарностям.

Выводы

Человек испытывает глубокую потребность быть причастным к сообществам себе подобных. Кризисные условия обостряют стремление к групповой защите, солидарности, поиску стабильности, поддержанию самоуважения. Мы живем в нескольких социальных пространствах, более или менее близких к повседневной жизни. Идентификации с ближайшим окружением в семье, с друзьями, с коллегами выдвигаются сегодня на первый план — доминирующую роль играют контактные группы.

За пределами этого сравнительно узкого круга повседневности социальное пространство формируется на основе стереотипов и образов, а также контрастных установок и неустойчивых категоризации. С их помощью человек пытается упростить схемы взаимосвязей в неустойчивом

социальном мире. Необходимую для этого эмоционально насыщенную информацию он получает опять-таки из среды повседневного общения и по каналам массовой коммуникации.

Чем определяется тип идентичности? Прежде всего необходимо указать на нарастание имущественной дифференциации, размежевания по образу мыслей, жизненным убеждениям, сопряженных с ощущением близости к своему поколению. Главный вопрос заключается в том, удерживаются ли привычные, устоявшиеся социальные идентификации советского человека или формируются новые. Последнее предполагает более высокий уровень адаптивности к меняющимся условиям, в том числе способность к рационально-контекстуальной перестройке социальных идентификаций. Адаптивные возможности более молодых, образованных людей, живущих в больших городах, выше, чем у людей в возрасте, с более узким кругозором и проживающих в малом поселке.

Естественно, что наборы социальных идентификаций различаются по социально-статусному критерию. Оказалось, что квалифицированные работники испытывают обостренное чувство маргинальности с малоквалифицированными [24], люди старшего поколения более склонны удерживать привычные социальные идентичности своего прошлого, а молодежь вообще не имеет представлений о солидарностях с большими общностями [25]. Принадлежащие к группам национальных меньшинств в инонациональном окружении более отчетливо осознают свою собственно национальную идентичность [26]. Корпоративная солидарность резко возрастает в условиях социального конфликта, например, забастовки [27]. То же самое наблюдается в межрегиональных конфликтах.

Факторный анализ ответов на вопрос о близости к тем или иным группам в связи с восходящей и нисходящей социальной мобильностью, проведенный М.Ф. Чернышом, показал: среди тех, кто шагнул вверх по социальной лестнице, социальная идентичность выражена ярче и потребность в ней сильнее, чем в нисходящих группах. «Особенностью восходящей группы является активный поиск идентичности в рамках "средних социальных групп", поколения, профессиональной общности и т. д. Жизненный неуспех, — пишет М.Ф. Черныш, — толкает человека на приватизацию собственной жизни, уединение в кругу близких и родственников, отчасти — в среде коллег» [28]. Обеим группам (восходящей и нисходящей социальной мобильности) свойственна тенденция идентификации с теми, кто придерживается ценностей советского прошлого (объяснительная «сила» второго фактора 10%, первого — 40%). В «нисходящей» группе указанная тенденция более амбивалентна, чем в «восходящей», где отмечается большая склонность к самоопределению в относительно новых общностях, например, российская или национальная идентичность.

Ю.Л. Качанов и Н.А. Шматко использовали для изучения социальной позиции технику семантического дифференциала. В качестве эталона для сравнений фигурировало понятие «Я сам» и далее рассматривались образы самоидентификации с различными «персонажами»: например, «лидер», «исполнитель», олицетворяющий успех, неудачник, независимый человек и другие. Авторы установили, что для интеллигенции характерна диффузная идентичность, тогда как предпринимателей отличает высокая самооценка, позитивная самоидентификация [29].

С мая 1992 г. по март 1993 г. (отчасти и по июнь 1993 г.) ослаблялись идентификации решительно со всеми группами и общностями. Либо мы наблюдаем перестройку прежних и формирование новых идентичностей, либо усилились самодостаточность, интернальность личности. Возможно, имеет место и то, и другое. С одной стороны, определенно фиксируется большая представительность тех, кто склонен опираться на собственные силы, с другой — происходят заметные «подвижки» в солидарности с крупными общностями.

Индивидуальные стратегии социальных идентификаций существенно различаются. Повседневные межличностные и межгрупповые взаимодействия обособлены от «возвышенных» идентификаций с крупными социальными общностями. «Прагматики» более дифференцированы: одни адаптируются к социально-экономическим условиям кризисного общества путем солидаризации с близким окружением (помимо семьи и друзей, это люди того же рода занятий, сверстники, работающие на одном предприятии и проживающие в данном месте), другие же ориентируются на преуспевающих и деятельных людей,

политикой не интересующихся, но добивающихся материального успеха и умеющих воспользоваться счастливым случаем, способных повернуть свою судьбу, но не слишком отличающихся от других в своей новой социальной страте. Люди этого типа сочетают личную предприимчивость с конформностью по отношению к группам, которые, можно предполагать, устанавливают достаточно жесткий нормативный контроль. Склонные к идеологизированному клише совмещают солидарность со всеми людьми на планете, новую гражданскую солидарность в Содружестве Независимых Государств с российской идентичностью.

Теоретическое объяснение полученных данных должно основываться на плюралистическом подходе.

Психоаналитическая парадигма подтверждается общим фактором стремления к какой бы то ни было идентификации, т. е. к защите «Эго». Интеракционистская теория оправдывает себя в том, что идентификации с ближайшим окружением доминируют над другими. Бихевиористская концепция объясняет различия жизненных стратегий индивидов, находящихся в разных условиях (например, в ситуации межгруппового, межнационального конфликта), а когнитивисты, как и феноменологи, убедительно интерпретируют способы категоризации социальных идентичностей на уровне опосредованных межличностных взаимосвязей.

Те же выводы справедливы и в отношении социологических подходов. Теория аномии обрисовывает состояние социальной дезинтеграции и утраты привычных солидарностей в трансформирующемся обществе. Марксистская теория доминирования социально-экономических отношений над культурно-политическими находит свое подтверждение в усилении воздействия факторов имущественной дифференциации по сравнению с идейно-политическими. Феноменологический подход уместен в истолковании поляризации тенденций к прагматическим и символическим идентификациям.

Диспозиционная теория может быть полезной для прогнозирования поведения личности в группах и сообществах. Идентификация с группой (общностью) существенно влияет на коллективное поведение, можно предположить, что социальные конфликты в российском обществе сосредоточатся в зоне «корпоративных» солидарностей. Вряд ли конфликты проявятся в области политико-идеологических общенациональных вопросов.

Конечно, социальная дезинтеграция создает благоприятную почву для потенциальной «моментной» мобилизации граждан под тем или иным обобщающим лозунгом или под воздействием выдающегося лидера. К счастью, ни того, ни другого не наблюдается, что дает надежду на развитие «естественных» процессов формирования социальных солидарностей в условиях экономического общесоциального кризиса. Процессы эти отличаются многообразием по группам населения, отсутствием направленного «генерального» вектора общегражданского размежевания «воинствующих солидарностей» — тех, что становятся благоприятной почвой для провоцирования разрушительных межгражданских столкновений.

Литература

1. *Bauman Z.* Intimations of postmodernity. London: Routledge, 1992. P. 187-188.
2. *Baumeister.* Identity, cultural change and the struggle for self. New York: Oxford University Press, 1986.
3. *Кон И. С.* В поисках себя. М., Политиздат, 1984.
4. *Giddens A.* Modernity and self Identity. Self and Society in late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991.
5. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
6. *Здравомыслов А. Г.* Проблема власти в современной социологии: Доклад на научной конференции «Многообразие интересов и институтов власти». Москва, 1993, 15-16 июня (рукопись).
7. *Weigert A., Teitge Y., Teitge D.* Society and Identity: Toward a sociological psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 22-26.
8. *Sztompka P.* Sociology in action: The theory of Social becoming. Oxford: Polity Press, 1991. P. 32.
9. *Schutz A.* The Phenomenology of social world. London: Heineman, 1972.

10. *Berger P. L., Luckman T.* The Social construction of reality. Garden City: Doubleday, 1966.
11. *Bourdieu P.* The Logic of Practice. Cambridge: Polity Press, 1990.
12. *Диллигенский Г. Г.* Проблема теории человеческих потребностей // Вопросы философии. 1976. №9; 1977. №2.
13. *Schneiderman L.* The Psychology of social change. New York: Human Sciences Press, 1988.
14. *Riesman D., Denney R., Glaser N.* The Lonely crowd. New Haven: Yale University Press, 1950.
15. *Marcuse H.* Eros and civilisation. New York: Vintage, 1955.
16. *Lifton R.* Protein man // The psychoanalytic interpretation of history / Ed. by B. Wolman. New York: Basic Books, 1971. P. 76-91.
17. *Hogg M., Abrams D.* Social identifications. London: Routledge, 1988.
18. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
19. *Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы, эмоции. М.: Наука, 1971.
20. *Sherif M., et al.* Intergroup conflict and cooperation: The Robber's cave experiment. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma, book exchange, 1961.
21. *Шматко Н. А., Кочанов Ю. Л.* Социальная идентичность и перестройка ценностного сознания различных групп населения: Научный отчет. М: Российская академия наук; Институт социологии, 1991.
22. *Kelly G.* The Psychology of personal constructs. 2 vols. New York: Norton, 1955.
23. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
24. *Игитханян Е. Г.* Самоопределение в стратифицированной системе общества // Социальная идентификация личности. Годичный отчет за 1992 год по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общенститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В. А. Ядова. М.: Российская академия наук; Институт социологии, 1993.
25. *Козлова Т. З.* Особенности социальной идентификации на различных стадиях жизненного цикла // Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 год по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общенститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В. А. Ядова. М.: Российская академия наук; Институт социологии, 1993.
26. *Симомян Р.Х.* От национального самосознания к гражданскому действию//Массовое сознание и массовые действия: Годичный отчет за 1992 г. по разделу общенститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В.А. Ядова. М.: Российская академия наук; Институт социологии, 1993.
27. *Гордон Л. А.* Новые субъекты трудовых отношений: На пути к социальному партнерству. М.: Специальное приложение к бюллетеню «Конституционный вестник». 1993. С. 41-97.
28. *Черныш М. Ф.* Социальная идентификация претерпевающих восходящую и нисходящую социальную мобильность//Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 год по разделу общенститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе»/Под ред. В. А. Ядова. М: Российская академия наук; Институт социологии, 1993.
29. *Качанов Ю. Л., Шматко Н. А.* Семантические пространства социальной идентичности личности // Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 год по разделу общенститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В. А. Ядова. М.: Российская академия наук; Институт социологии, 1993.